ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ГРУППООБРАЗОВАНИЯ В РЕГИОНАХ РФ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ: АДЕКВАТНЫЕ ОТВЕТЫ НА СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ВЫЗОВЫ

Тихонов А. В.,

*доктор социологических наук, профессор,
руководитель Центра социологии
управления и социальных технологий,
Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия.
E-mail: alvast39@mail.ru*

Аннотация. Предметом являются методологические подходы к исследованию закономерностей социального группобразования в системе отношений гражданского общества и властно-управленческих структур в регионах с разным уровнем социокультурной модернизации. Программой нашего исследования признаётся актуальность перехода из кризисной ситуации в посткризисную, что должно отразиться на балансе между интересами власти и общества. Столь важный вывод по материалам эмпирических социологических исследований до пандемии, уже не раз озвучиваемый и оспаривавшийся в научной литературе, конечно, требует дополнительной работы. Наступившая угроза жизни и здоровью граждан со стороны коронавируса становится неустранимым фактором, создающим новые условия для разработки нового «гражданского договора» с учётом появления возможной новой логики «вызовов и ответов». Исследуется проблема появления низкого качества институтов в России, что проявляется в феномене «недостойного правления», накладывающего наиболее значимые ограничения на реализацию проекта социокультурной модернизации. Утверждается, что поиск ренты в России — это не просто побочный эффект коррупции и неэффективности, но

и главная причина феномена «недостойного управления» государством, следствием которого неизбежно становится распространение у нас низкого качества социального группирования.

Ключевые слова: властно-управленческая вертикаль, гражданское общество, общественный договор, логика вызовов и ответов, социокультурная модернизация, недостойное правление, программа исследования, баланс интересов, актуальность перехода в посткризисную ситуацию.

PROBLEMS OF SOCIAL GROUP FORMING IN REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION WITH DIFFERENT LEVEL OF SOCIO-CULTURAL MODERNIZATION: ADEQUATE RESPONSES TO STRATEGIC CHALLENGES

Tihonov Alexander V.,

*Doctor of Sociology, Professor,
Head of the Center of Sociology
of Management and Social Technology,
Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia.*

E-mail: alvast39@mail.ru

Abstract. The subject is methodological approaches to the study of the laws of social group forming in the system of relations between civil society and power-management structures in regions with different levels of socio-cultural modernization. The program of our research is the relevance of the transition from a crisis situation to a post-crisis one, which should affect the balance between the interests of power and society. Such an important conclusion from empirical sociological studies before the pandemic, more than once voiced and disputed in the scientific literature, of course, requires additional work. The threat to the life and health of citizens from coronavirus becomes an irreparable factor that creates new conditions for

the development of a new “civil contract,” taking into account the appearance of a possible new logic of “challenges and answers”. There is being investigated the problem of the appearance of poor-quality institutions in Russia, which manifests itself in the phenomenon of “unworthy government,” imposing the most significant restrictions on the implementation of the project of socio-cultural modernization. It is argued that the search for rent in Russia is not just a side effect of corruption and inefficiency, but also the main reason for the phenomenon of “unworthy management” of the state, the result of which inevitably becomes the spread of our poor quality of social group formation.

Keywords: power-management vertical, civil society, social contract, logic of challenges and answers, socio-cultural modernization, unworthy management, research program, balance of interests, relevance of transition to post-crisis situation.

Ещё недавно предполагалось, что эффективным ответом на стратегические внешние и внутренние вызовы нашей стране является Указ Президента РФ от 7 мая 2018 года № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Указ... 2018], который включает в себя и стратегию научно-технологического развития регионов, утверждённую Указом от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» [Указ... 2016]. Казалось бы, что страна нашла адекватный ответ на исторически сложившиеся проблемы своего развития в заданных мировых и внутривластных обстоятельствах. Однако внезапное обострение международных отношений и появление опасностей мирового уровня внесло свои коррективы. Помимо конфронтации США и Китая свой вклад в международные отношения и отношения внутри страны внесла неожиданная вспышка эпидемии коронавируса. К этому добавилась внутривластная борьба в США в связи с выборами, а у нас — подготовка к голосованию по поправкам в Конституцию с т.н. обнулением президентского срока. В целом голосование по поправкам сравнимо с принятием нового «общественного договора» и с далеко идущими

последствиями для страны. Таким образом, в центре нашей научно-исследовательской работы, посвящённой исследованию механизмов социального группообразования, оказалась масштабная проблема изменений в отношениях между властью и обществом в условиях исторически обусловленного обострения внешних и внутренних вызовов.

Наши исследования 2015–2017 гг. по проекту «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования» показали, что именно интересы отдельных групп населения на уровне территориальных образований, особенно в системе местного самоуправления, меньше всего учитываются властно-управленческой вертикалью. Мы увидели в этом проявление нарушения условий «гражданского договора», в результате чего значительные социальные слои граждан оказались в состоянии социального отчуждения от декларируемой государством политики. В этой связи наши исследования потребовалось дополнить методикой сбора первичных данных вопросом о характере диспозиций граждан как социальных агентов (по П. Бурдые) и их участия в оценке работы звеньев властно-управленческой вертикали. Затем пришлось обратить внимание на процесс социального группообразования. Установить, что это процесс двойного и даже тройного структурирования, согласно которому человек не просто объект в системе не зависящих от него производственных, политических и др. отношений, но и субъект, стремящийся найти, понять, объяснить и изменить свою роль в обществе. Поэтому нам показалось логичным то, что исследования социально-структурного группообразования в нашем обществе должны быть дополнены данными о трансформации регионального социального пространства, в котором осуществляется взаимодействие власти и общества в режиме реального времени, т.е. синхронно с происходящими в мире и в стране событиями.

В этой связи нельзя не напомнить об актуальности и новизне нашей темы, продолжающей исследования 2015–2017 гг. в условиях реализации Указа Президента РФ от 7 мая 2018 года

№ 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Указ... 2018]. Нами поставлена проблема не только образования социально-статистических групп на основе экспертной оценки респондентами работы звеньев властно-управленческой вертикали от положительной до отрицательной, но и их реального участия в латентном процессе группообразования в регионах с разным уровнем цивилизационного развития (по критерию социокультурной модернизации Н. И. Лапина, который мы дополняем социально-классовым анализом). Острота этой проблемы усугубляется вопросом форм и степени управляемости процессов социального группообразования в регионах.

Управляемость любых социальных процессов беспокоит и государство, и граждан не в меньшей степени, чем, скажем, уровень инфляции, безработицы или обороноспособности, и заставляет постоянно учитывать как внутренние противоречия между интересами различных социальных групп, категорий, классов населения и работой государственных органов, так и то, что эти отношения осуществляются не в безвоздушном пространстве, а в условиях поиска адекватного ответа на реальные внешние и внутренние вызовы и угрозы их жизни в конкретной исторической ситуации. Здесь открывается острота сформулированной выше проблемы адекватных ответов на вызовы в жизни населения регионов с разным уровнем цивилизационного развития. На этот вопрос трудно ответить без специальных исследований.

Директор ФНИСЦ РАН, академик М. К. Горшков, подчеркивая сложность и противоречивость современных процессов развития нашей страны, обращает внимание на то, что социолог в этих условиях все в большей степени становится квалифицированным экспертом для органов власти и управления [Горшков, 2016]. Однако не только для власти, но и для всего регионального народа. Как показали наши исследования 2015–2017 гг. по проекту «Гражданская экспертиза проблемы реформирования властно-управленческой вертикали в контексте процессов социокультурной модернизации регионов: от мониторинга состояний до прогнозного проектирования»,

именно реакция населения на уровне местного самоуправления на работу властно-управленческой вертикали является самой строгой и самой востребованной экспертизой их деятельности, её игнорирование может дорого обойтись и стране, и регионам. Проблема, как нам представляется, состоит в том, что из-за низкой чувствительности вертикально ориентированных структур власти и управления к социальным последствиям принимаемых ими решений на региональном и местном уровнях они склонны принимать как оппозиционный, так и деструктивный характер. Необходимо научиться не только предусматривать эти явления, но и упреждать, чтобы они не превращались в побоища типа погромов в Мемфисе (США). В этом как раз и проявляется проблема адекватности ответов на внутренние и внешние вызовы и властей, и гражданского общества с точки зрения социологического описания и объяснения.

Особую актуальность нашему исследованию придаёт реализация майского Указа Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Указ... 2018]. К числу новых задач, как это видно из Указа, относится и адекватный ответ на внутренние вызовы. Имеется ввиду необходимость «увеличения численности населения, повышения уровня жизни граждан, создания комфортных условий для проживания, а также условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека и др. <...> на основе осуществления прорывного научно-технологического и социально-экономического развития Российской Федерации». То, как справляются органы власти и гражданское общество с решением таких или аналогичных социальных проблем, представляет собой не только практически политический социальный интерес, но и большой научный. Речь идёт, с одной стороны, о политической поддержке центральными органами власти и управления процессов социально-экономического развития регионов на основе «прорывных проектов». С другой, о создании теоретических основ такой дисциплины как социология управления, взявшей за исследование процессов социального группообразования. Реализация Указа несомненно потребует существенных

перемен в системе управления (в работе всех звеньев властно-управленческой вертикали) и не только путём создания т.н. «умного управления» с использованием цифры, но и путём обеспечения реальной социальной поддержки и участия населения в политике государства. И это притом, что наши регионы в цивилизационном отношении развиваются с «разными скоростями». По способам решения поставленных задач у нас нет единства не только в обществе, но и среди специалистов (см., например, выступление академика А. Аганбегяна на секции экономики Президиума РАН в октябре 2018 г., где эта программа Правительства в целом названа «трудновыполнимой»).

Совокупность всех этих обстоятельств подводит нас к мысли о необходимости исследовать проблему выполнения «прорывных проектов» на практике, исходя не только из проблем экономики, но и из проблем учёта социально-классовых противоречий и признания в итоге реального отношения различных групп населения к действиям региональных и федеральных властей. Особое значение имеет и то, что на основе исследований последних лет у нас уже имеются первичные данные об особенностях процесса группообразования. В связи с этим появляется уникальная возможность провести сравнительные измерения в условиях нового «гражданского договора», содержание которого определяется майским Указом Президента и в последнее время поправками в Конституцию РФ и новых обстоятельств жизненного уклада, связанных с пандемией. Своевременная экспликация последствий политики в этих новых обстоятельствах, как мы надеемся, будет содействовать внесению необходимых коррективов и в социологическую теорию управления процессами социального группообразования, и в корректировку политики приведения работы звеньев ВУВ в соответствие с требованиями экономической, политической и социальной реальностей.

Уточним, о чём идёт речь. Когда социологи заявляют об актуальности исследования и решении проблем управления социальным группообразованием в реальных условиях поиска ответов на внешние и внутренние вызовы? Есть ли здесь какие-либо надёжные сведения, закономерности, на которые управление

могло бы опереться, чтобы упреждать последствия не адекватных действий в реальных обстоятельствах? Это как раз те вопросы, на которые мы собираемся ответить. «В специальной литературе мы найдём немало интересных попыток осмыслить трансформационные процессы в российском обществе. Социологи хорошо знакомы, например, с работами С. Г. Кирдиной («институциональные матрицы»), О. Э. Бессоновой («раздаточная экономика»), С. Г. Кордонского и М. Ф. Черныша («сословная структура российского общества»), О. И. Шкаратана и В. В. Радаева («этакратизм российского социума»), Ю. С. Пивоварова и А. И. Фурсова («отношение к государственной и частной собственности») и др. авторов. Полемизируя с ними, А. И. Липкин, например, в одном из номеров журнала «Мир России», утверждал, что для оценки трансформационных процессов в современной России нам подходит теория взаимопроникновения двух моделей социальной организации общества: «приказной» или т.н. «вертикальной», основанной на централизованном механизме мобилизации населения на преодоление внешних и внутренних угроз, и «договорной», идущей ещё от принципов «общественного договора» Гоббса и Локка между властью и обществом» [Тихонов, 2014: 72]. Идея не новая, но, как показал наш опыт исследований, оказывается всё ещё не разработанной применительно к новому этапу российской трансформации (будем считать таковым глобализацию, хотя уже не под диктатом только одной великой державы). Но пока нет ответа на основной вопрос, с каким же типом спонтанного группообразования мы имеем дело в РФ — поставим вопрос о том, какова в этом роль звеньев властно-управленческой вертикали с социологических позиций?

В докладе академика М. К. Горшкова на международной конференции ФНИСЦ РАН (12 октября 2017 г.) отмечалось, что «специфика сложившейся в России ситуации предопределяется необходимостью осуществления системной модернизации как по горизонтали, так и по вертикали, охватывая все сферы жизнедеятельности и все уровни организации государственной и общественной жизни. Вместе с тем российское общество готово принять далеко не все из того, что постулируется

нормативной теорией модернизации и приводится в жизнь политической элитой. У россиян, как показывают исследования, на этот счет есть и собственное мнение. Можно сказать, считает докладчик, что на этой основе в российском обществе складывается общенациональный консенсус относительно путей развития России, что может послужить, как мы считаем, основой реализации позитивного процесса трансформации власти в стране. Правда, это было до пандемии. Но такое важное теоретико-методологическое обобщение всё равно требует репрезентативной проверки. В частности, последние выводы Института социологии РАН, о которых говорит М. К. Горшков, сделаны в результате осуществления институтом мониторингового проекта РНФ № 14–28–00–218 «Динамика социальной трансформации в современной России в социально-экономическом, теоретическом, социокультурном и этно-религиозном контекстах», производившихся по этапам с интервалом в 6 месяцев с осени 2014 года» [Россия и мир, 2017: 11]. Теперь посмотрим, что говорится о поставленных перед нашим исследованием задачах в другой научно-исследовательской литературе.

Как пишет А. Б. Гофман, проблема отношений власти и общества эмпирически стала исследоваться социологией относительно недавно [Гофман, 2014]. Но её философскую постановку можно найти уже в трудах Платона и Аристотеля («Афинская полития»). Позднее она появилась в работах Н. Макиавелли («Государь»), Т. Гоббса («Левиафан»), Дж. Локка («Два трактата о государственном правлении»), Ж-Ж. Руссо («Об общественном договоре») и Ш. Л. Монтескье («О Духе Законов или об отношениях, в которых законы должны находиться»). Суть в том, что власть вначале трактовалась как отделённая от общества сила. Разработка проблем их взаимодействия впервые была представлена в социологии О. Конта («Дух позитивной философии») и Э. Дюркгейма («О разделении общественного труда»). Они-то и отводили проблеме установления порядка в обществе основную роль государству. При этом ряд социологов (Г. Спенсер, А. Токвиль) указывали на значение добровольности договорных отношений власти и общества,

а также на необходимости контроля реализации государством его функций. Последнее положение мы находим в работах М. Вебера («Хозяйство и общество») и Т. Парсонса («О социальных системах»). В специальной литературе упоминаются идеи В. Зомбарта о социальном мире и важности для него категории согласия, а также у Ф. Тённиса о руководящей и направляющей роли государственной власти в качестве посредника в достижении социальных компромиссов («Общность и общество»). Позднее тот же М. Вебер, разработал более полную социологическую концепцию взаимодействия общества и власти. Он выдвинул, в духе «общественного договора», вполне конструктивную идею их органической взаимосвязи. Степень и сам механизм её достижения им не исследовался. В российской социологии ещё 100 лет назад М. Ковалевским был провозглашён социальный Закон «человеческой солидарности», в основе которого лежал прогресс институтов власти [Ковалевский, 1908]. Феномен власть–общество исследовался у нас Н. Кареевым, Б. Чичериным, Л. Петражицким и др. Не будем удивляться тому, что власть как к результатам этих исследований, так и к социальным законам, а также к благородным призывам их уважать или хотя бы знать, как тогда, так и сейчас не очень-то прислушивалась. Как в басне Крылова: а Васька слушает да ест. Власть, видимо, до сих пор считает, что она стоит над обществом и управляет им по своему усмотрению. Вспоминаю реплику В. А. Ядова на одно выступление на академическом собрании в старом здании РАН: «Обществом управлять нельзя!» К этому предостережению авторитетного социолога и до сих пор не прислушались. Но всё же тема существования какого-то Закона в этой сфере сыграла и играет большую роль в становлении социологии как науки. Для неё мысль о необходимости присмотреться к истокам и к характеру группообразования в обществе (особенно в классовом) возникала не раз, но оказывалась в центре внимания только тогда, когда, как бы неожиданно, уже после расколов в обществе и гражданских войн стала наступать новая эпоха. Характерен в этом отношении доклад Ю. Хабермаса «Модерн — незавершённый проект», прочитанный им в 1980 году в числе

одной из 12 лекций [Хабермас, 2003]. Под модерном у него понимается традиционный западный рационализм, а под приходящей ему на смену эпохой постмодерна — иррационализм, типа текстов Ж. Ф. Лиотара. Последний представляет собой бескомпромиссный вызов социологии как науке, требующий от неё сдачи позиций в отношении познаваемости социального мира. Возможно, в связи с этим социологи стали больше обращать внимания на проблемы макросоциологии и динамики не обществ, а всей мир-системы (как, например, И. Валлерстайн), где разворачивающиеся отношения обществ и власти стали увязывать с уровнем мировой политики. В российской социологии конца 19-го и начала 20-го века, как раз накануне грозных событий раскола в нашей стране и гражданской войны, отношения власти и общества рассматривались ещё в духе прекраснотных надежд на разумность властей, на действенность призывов служить гармонии и справедливости, равенству и свободе, считая, что власти этого хотят, но пока ещё плохо понимают, как нужно правильно «управлять обществом». При этом упорно игнорируются различия в модернизации стран, причины их нескончаемой борьбы властных и оппозиционных сил. Симптоматично, что и сегодня эти тенденции рассматриваются у нас как свидетельства назревающих перемен. Свежий пример. Известный российский экономист Михаил Делягин [Делягин, 2020] утверждает, что некая социальная группа в современной России, а именно либеральная часть нашей элиты, уже приступила к целенаправленному обвинению «путинского режима» в ухудшении социально-экономического положения в стране с целью разрушения сложившейся российской государственности. Они, как новая оппозиция, обвиняются автором в том, что сознательно подталкивают общество к госперевороту, который позволил бы им не только списать неудачные итоги своей деятельности в 1990-е годы, но и переформатировать нашу страну по западному усмотрению. По словам М. Делягина, активную фазу этого социально-группового вызова либералы начали ещё два года назад с критики пенсионной реформы. Но кто может без специальных исследований сказать, какие ещё группообразования в России

пришли в движение в современных обстоятельствах подготовки к голосованию по дополнениям в Конституцию и под влиянием коронавируса? И какую роль они могут сыграть в судьбе нашей государственности? Словом, сегодня недостаточно рассматривать социально-политические явления в обществе без учёта особой роли в нём организованных и спонтанных, явных и латентных процессов группообразования.

Нельзя не вспомнить о всё ещё значительной роли идеологии марксизма, согласно которой единство капиталистического общества (к которому примкнула за последние 30 лет и Россия) представляет собой иллюзию, поскольку в основе социума лежат антагонистические противоречия между трудом и капиталом, эксплуататорами и эксплуатируемыми, а интересы господствующего класса представляются как общезначимые. Это, по нашему 30-летнему опыту нового капитализма, очень похоже на правду. Именно поэтому в трудах западных последователей марксизма (А. Грамши, Д. Лукача, Л. Альтюссера) одним из актуальных направлений было исследование идеологии как «ложного сознания», роль которого сводится к обслуживанию не существующего социального единства.

Всё это заставляет внимательнее отнестись к тому, с каким группообразованием и мы имеем дело. То, что кто-то использует этот феномен в своих интересах, не вызывает сомнений. А если это процесс управляемый, то кем, зачем и как? В этой связи социологам следует вникнуть в проблему группообразования с учётом собственного и мирового опыта исследований, отвечая на вопрос: в чём состоит его российская специфика? Прямо скажем, что сама постановка проблемы управления группообразованием является в аксиологическом, научном и социотехническом отношениях существенной инновацией (вспомнить хотя бы книгу С. Московичи «Машина, творящая богов», 1998), что требует с позиций нашей науки построения социологического знания на критериях постнеклассики (по В. С. Стёпину) и разработки процесса реформирования властно-управленческих отношений не по хотению властвующей элиты, а с учётом фундаментальных исследований процесса группообразования [Тихонов, 2010]. В этом отношении

наименование нашего Проекта, как академического, более отвечает его предназначению, чем как один из грантов РНФ.

Мозговая Алла Викторовна в своей докторской диссертации «Адаптация к рискам трансформационных процессов в российском обществе» утверждает, что «на современном этапе развития общественных систем социальные процессы утрачивают качество чрезвычайности и становятся неотъемлемым свойством повседневности, что обуславливает актуализацию проблематики адаптации. Нелинейность и многофакторность детерминации социальных изменений фиксируется всеми социологами, рефлексирующими по поводу «социокультурной динамики» (С. Кравченко, П. Сорокин), «порядка из хаоса» (И. Пригожин), «ускользающего мира» и «устройства общества» (Э. Гидденс), «системы современных обществ» (Т. Парсонс), «общества риска» (У. Бек). Системный характер и ускорение темпов формирования, функционирования, изменения факторов социальной среды обостряют интерес и социальную значимость результатов исследований адаптации к рискам, вызванным трансформационными процессами в социальном пространстве современного российского общества... Динамика социальных процессов может иметь эволюционный характер через постепенное реформирование и модернизацию, может приобретать характер системной трансформации, обусловленной потребностями самой системы, и тогда изменения становятся прогнозируемыми и управляемыми. Когда же трансформации представляют собой реакцию на кризисы и противоречия, не нашедшие адекватных мер разрешения, они становятся источником возрастающей неопределенности, обуславливающей риски неблагоприятного исхода событий и процессов. Основной фундаментальный признак неопределённости — это неоднозначность позитивной направленности изменений.

Именно такая трансформация, осложненная масштабным экономическим кризисом, имеет место в социальном пространстве современного российского общества. Она требует понимания неопределённости не столько как противоположности стабильности и устойчивости, сколько как этапа нашего развития» [Мозговая, 2020: 3].

Далее автором обосновывается подход к пониманию кризисного управления как ключевой проблемы, что выводит тему не на отдельные элементы инфраструктурной или технологической перестройки, а на весь социальный уклад, стиль жизни поселенческой общности. Автором предложено объяснение этой «пробуксовки» бессубъектностью институциональной среды, представители которой полностью или частично отказываются от ответственности за соблюдение своих обязанностей. Автор считает доказанным, что адаптация субъектов к кризису требует институциональной рефлексии для распознавания рисков и для разработки способов разрешения противоречия интересов через механизм субъект-субъектной коммуникации. В этой связи ею предложен и апробирован в социальном эксперименте (аналитический проектный семинар в форме деловой игры) авторский подход к схеме социологического обеспечения рискованной коммуникации на базе социологической концепции общения и ответственности, что позволяет сменить традиционный для западной практики постулат продвижения нужной производителям риска информации целевой направленностью, на создание общего для производителей и потребителей риска поля представлений, оценок, согласованных установок в поле приемлемого риска. Данное обоснование потребности в эмпирическом социологическом знании о риске приводит автора к распознаванию и оценке рисков, которые не могут быть абстрагированы от субъективных ценностей, интересов тех социальных групп, которые принимают или должны участвовать в принятии управленческих решений [Мозговая, 2020]. С чем нельзя не согласиться. Вопрос только в том, чтобы выявить и удалить барьеры, которые неизбежно возникают на пути столь рациональной трактовки таких ситуаций. Суть в том, что на этом социологическая постановка проблемы не только не завершается, а только начинает осознаваться. Сегодня недостаточно рассматривать социально-политические явления в нашем обществе на уровне звеньев властно-управленческой вертикали без учёта особой роли в них организованных и спонтанных, явных и латентных процессов социального группирования. И главный из них, несомненно: кто, когда и как

этими группами управляет или их генезис и динамика происходят, в основном, способом спонтанной самоорганизации.

Список литературы

- Делягин М. Г. Зажигаем с Михаилом Делягиным #6. 09.05.2020 // Радио «Аврора». [Электронный ресурс] URL: <https://aurora.network/articles/136-chelovek-i-obshhestvo/79407-zazhigaem-s-mikhailom-deljaginyum-6> (дата обращения: 25.06.2020).
- Горшков М. К. 2016. Российское общество как оно есть: (опыт социологической диагностики). В 2 т. Т. 1. / М. К. Горшков. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Новый хронограф. 416 с.
- Гофман А. Б. 2014. Солидарность или правила, Дюркгейм или Хайек? О двух формах социальной интеграции // Социальная солидарность и альтруизм: Социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования. Сб. науч. тр. Отв. ред. Д. В. Ефременко. М.: РАН. ИНИОН. С. 16–100.
- Ковалевский М. М. 1908. Очерки по истории политических учреждений России. М.
- Мозговая А. В. 2020. Адаптация к рискам трансформационных процессов в российском обществе: автореф. дис. на соиск. учен. степ. д. социол. наук: 22.00.04 / Мозговая Алла Викторовна; Институт социологии ФНИСЦ РАН. Москва. 38 с. Сайт ФНИСЦ РАН. [Электронный ресурс] URL: https://www.isras.ru/files/File/Dissert/Mozgovaya_avtoreferat.pdf (дата обращения: 01.06.2020).
- Россия и мир: глобальные вызовы и стратегии социокультурной модернизации. Материалы Международной научно-практической конференции (Москва, 12–13 октября 2017 г.) / Отв. ред. А. В. Тихонов. М.: ФНИСЦ РАН, 2017. 760 с.
- Тихонов А. В. 2014. Опыт социолого-культурологического исследования проблем реформирования властно-управленческой вертикали // Вестник Института социологии. № 10. С. 66–84.
- Тихонов А. В. 2010. Отечественная социология: проблема выхода из состояния преднауки и поиска новых стратегий // Вестник Института социологии. № 1. С. 203–229.

Хабермас Ю. 2003. Философский дискурс о модерне. Пер. с нем. М.: Весь Мир. 416 с.

Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 20.06.2020).

Указ Президента Российской Федерации от 01.12.2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41449> (дата обращения: 20.06.2020).